

УДК 811.161

Отношения коллективной лингвокультуры и лингвокультурной личности

Шаклеин В.М.

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Статья посвящена лингвокультурной личности, ее роли и месте в коллективной лингвокультуре. Делается вывод о том, что в онтогенезе коллективной лингвокультуры важнейшую роль играет совокупность лингвокультурных личностей.

Ключевые слова: лингвокультурология, универсалия, лингвокультура, лингвокультурная личность, коллективная лингвокультура.

В отечественной лингвокультурологии интенсивность исследования проблематики языковой личности закономерно совпала с пиком кризиса официальной коммунистической идеологии. Так, в конце 80-х годов Ю.Н. Караулов писал: «Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком, — не только в лингвистике, но и в психологии, философии, лингводидактике» [2, с. 3]. Такой интерес отразил своего рода реакцию на основательно надоевшую пропаганду коммунистического коллективизма.

Наверное, наиболее образно конфликт коллективного языкового сознания и языковой личности выразился в тексте песни известного диссидента А. Галича, где коллективное языковое сознание отразилось в образе члена ВЦСПС гражданки Парамоновой, а языковое сознание личности — в образе лирического героя, ее мужа, человека асоциального, пьющего и изменяющего своей жене. Все универсалии языка несчастных супругов подчеркивают конфликт личности и коллектива. За супружескую измену Парамонова вызвала мужа на собрание, в ВЦСПС. Зайдя в здание ведомства, муж говорит про себя: «В ВЦСПС продают сарделечки. Я бы взял кило, да трудно с деньгами». Непосредственно на собрании муж хочет избежать разбирательства: «Ты прости меня, товарищ Парамонова...» Жена отвечает: «Ты мне Лазаря не пой, я ученая. Ты людя'м все Расскажи на собрании!» После собрания муж встречается с любовницей в ресторане и говорит про себя: «Она выпила дюрсо, а я перцовую за советскую семью за образцовую».

Представленное Галичем противопоставление личностного и коллективного языковых миров носит явно оценочный характер. Мир коллектива высмеивается. Мир личности вызывает понимание. Оттенки такой оценочности просматриваются и в лингвокультурологии конца 80-х — начала 90-х годов XX века. Центральной универсалией, характеризующей языковую личность в лингвокультурологии этого времени, выступает лексема «способность», явно выделяющая отдельного человека из коллектива. Например, тот же Караулов дает следующее определение языковой личности: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направлен-

ностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порожденных им текстов» [2, с. 3].

Нельзя сказать, что приведенное определение удачно. Скорее, оно отражает научную моду своего времени. Конечно, феномен языковой личности связан с создаваемыми ей текстами и с особенностями восприятия каких-то текстов. Но прежде всего языковая личность – это частица большого языкового коллектива, обладающая индивидуальными особенностями. Эти особенности и отражают специфику лексикона отдельного человека, специфику создания и восприятия им текстов, но уже во вторую очередь. Языковая личность может выражать единство с большим языковым коллективом или конфликтовать с ним. Однако конфликтные отношения не подчеркивают факта того, что языковая личность является частью большого языкового коллектива – нации, народа, социальной страты. Данный тезис доказывается хотя бы тем, что языковая личность говорит с этим большим коллективом на одном языке. Те же диссиденты советских времен, конфликтуя с властью, были частью русского советского языкового сообщества, а в культурном отношении находились на одном из полюсов этого сообщества. И никакими носителями культуры западного мира они, конечно, не были.

Некоторым образом индивидуальность и конфликтность личности должна учитываться при ее характеристике, но здесь речь может идти, скорее, о культурной личности, а не о языковой. И если попытаться рассмотреть языковые и культурные характеристики общества и личности, (что в целом возможно), то следует говорить о лингвокультурных характеристиках общества на определенном историческом этапе его развития и лингвокультурной личности.

После того, как российское общество перешло на позиции потребления и индивидуализма, стал наблюдаться своего рода идеологический откат, выражающийся в востребованности коллективистских мотивов в идеологии. Для России это не удивительно. Россия – страна общинная, православная, где человек веками не отделял свою судьбу от истории страны. Не зря именно в России прижилась коммунистическая идеология. Но на таком культурном фоне всегда проявлялась и личность, традиционно требуя к себе особого, индивидуального отношения. Так, все герои русской литературы – это не только общественные типажи. Это прежде всего личности. Такое единение личного и общественного проявляется лучше всего в героях «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Андрей Болконский, Пьер Безухов, Илья Андреевич Ростов – это все личности глубокие, не чуждые анализу и внутренним исканиям, но это и личности, которые чувствуют единение с историей своей страны. Их личностная особенность заключается в том, что все их внутренние искания проходят на фоне исторического времени России. В этом, собственно, и состоит специфика русской лингвокультурной личности.

В этом смысле противоречия между лингвокультурной личностью и лингвокультурными характеристиками общества сохранялись на протяжении всей истории человечества. И Россия здесь не выступает исключением. Именно эти противоречия стали мощнейшим стимулом технического, культурного и социального прогресса, найдя свое отражение в специфике развития лингвокультурной личности как части лингвокультуры общества. Подобно тому как на уровне биологической эволюции взаимодействие индивида и вида выполняет определенные адаптивные функции, так и в историческом развитии любой лингвокультуры ее личностная и коллективная составляющие вступают в сложное динамичное соотношение, имеющее важное значение для процессов саморегуляции и поддержания устойчивости национального государства.

Такое базовое противоречие рельефно отражается в специфике личностной и коллективной лингвокультур. Если для первой важнейшими показателями являют-

ся ее динамичность, то вторая характеризуется стремлением к устойчивости. Такое соотношение служит не только хорошим регулятором темпов исторического и культурного развития общества, но и обеспечивает проверку многочисленных личных инициатив на их соответствие общественным потребностям. Ослабление роли коллективной лингвокультуры приводит к тому, что сомнительные прожекты отдельной активной лингвокультурной личности принимаются обществом, нанося ощутимый урон этому обществу. Так, в начале XX века русская лингвокультура не «отфильтровала» ленинские лозунги, а лингвокультура Германии в 30-е годы XX века не распознала сущности лингвокультурной личности Гитлера. В обоих случаях ослабление роли коллективных лингвокультур привело к катастрофе.

Соотношение двух рассматриваемых здесь коллективной и личностной форм лингвокультуры изменчиво в разные исторические эпохи и в разных нациях. Для историко-лингвокультурного процесса в целом, по-видимому, типичны периодические флуктуации приоритета личностной или коллективной лингвокультуры, коррелирующие с темпами и направленностью развития: преобладание первой формы служит показателем и важным фактором происходящих перемен, гегемония второй формы свидетельствует о стабильности лингвокультурной ситуации. Флуктуации такого рода следует отнести к механизмам саморегуляции процесса развития нации.

На фоне наблюдаемой в последние годы увлеченности многих исследователей концепцией К. Юнга такие понятия, как «коллективное бессознательное» и «архетип» могут получить широкое хождение и применяться для объяснения многих лингвокультурологических феноменов, в том числе, инертности коллективной лингвокультуры. Представляется, что в последнем случае нет никакой научной необходимости использовать эти термины непосредственно в лингвокультурологии. Можно, конечно, надеяться на обнаружение в будущем пока еще неизвестных науке таинственных механизмов передачи исторически обусловленной информации в потоке поколений национальной лингвокультуры (такая логика теперь часто допускается в научной среде), однако есть все основания говорить о реальных и доступных эмпирическому наблюдению путях преемственности при передаче определенных особенностей коллективной лингвокультуры. Этот процесс, проявляющийся в сохранении устойчивых лингвокультурных стереотипов в поведении и языковом сознании людей, опирается на непосредственную передачу традиций от предшествующих поколений к последующим.

При такой передаче сохраняются стереотипы языкового сознания и культурно обусловленного поведения (т.е. лингвокультурные стереотипы). Такие лингвокультурные стереотипы чрезвычайно ригидны по отношению ко всякого рода новым веяниям отдельных лингвокультурных личностей. Важнейшую роль в данном случае играют впечатления и навыки раннего детства, оставляющие неизгладимый след в дальнейшем развитии лингвокультурной личности. Именно поэтому в периоды насаждаемых сверху идеологических ломок коллективной лингвокультуры практикуется отчуждение детей от национальных традиций и их раннее объединение в детские организации, находящиеся под эгидой государства (в СССР - октябрята, пионеры, комсомол; в ГДР - FDJ-Deutschepionir).

Формирование коллективных лингвокультур, ставших основами цивилизаций, несомненно, оказало положительное влияние на исторический процесс в целом. Подобно тому как индивидуальные различия членов группы повышают ее адаптивность, так и лингвокультурное многообразие способствовало усовершенствованию адаптивных возможностей человечества. К этому надо добавить, что сама по себе коллективная лингвокультура, по-видимому, таит глубоко скрытое диалектическое противоречие, усиливающееся по мере перехода от малых лингвокультурных групп к большим.

Инертность развития коллективной лингвокультуры, выражающееся в защитных реакциях от внешних воздействий, сочетается с потенциальной возможностью реакций «взрывного» типа, возникающих под влиянием кумулятивного эффекта, т.е. постепенного накопления малозаметных мелких изменений. Здесь мы сталкиваемся с так называемым феноменом толпы, где коллективная лингвокультура резко противопоставляется лингвокультурной личности. Отсюда можно вывести тезис о невозможности прогнозирования лингвокультурного процесса, что хорошо коррелирует с представлениями, развиваемыми в современной теории хаоса [1].

Вспоминая практику современных «цветных революций» можно сказать, что люди, составляющие толпу, ведомы беспредельным воображением, возбуждены сильными эмоциями, не имеющими отношения к ясной цели. Они обладают удивительной предрасположенностью верить тому, что им говорят. Любой, кто намеревается управлять людьми, должен был бы проникнуться идеей, что коллективная лингвокультура противопоставляется лингвокультурной личности. В коллективной лингвокультуре рождается иррациональность, причем ее роль возрастает и укрепляется в процессе развития социального хаоса. В этом случае две главные силовые линии определяют сущность меняющейся коллективной лингвокультуры: первая — «лингвокультурная личность и традиционная коллективная лингвокультура», вторая — «традиционная коллективная лингвокультура и лингвокультурная личность вождя». Именно в данной ситуации лингвокультурная личность разумна, а коллективная лингвокультура иррациональна. Даже на высоком уровне эмоционального начала коллективная лингвокультура безынициативна в выборе действия; такое действие, сопровождаемое броским лозунгом, задает ей лингвокультурная личность вождя, преследующего свои политические цели.

Двойственность человеческой природы в том и состоит, что каждый из нас является одновременно существом индивидуальным и коллективным. Одержимость объединяет людей и придает им новые силы. Все это лишней раз говорит о многофакторности лингвокультурного процесса и о невозможности вычленения какой-либо одной движущей силы данного процесса.

В проблеме отношений лингвокультурной личности и коллективной лингвокультуры необходимо выделить ее онтологическую и генетическую составляющие. Онтологический постулат может выглядеть следующим образом: лингвокультурная личность социальна по своей природе (1). Генетический постулат: социальная природа лингвокультурной личности возникает в процессе коллективизации лингвокультурного опыта (2).

Следствия из этих постулатов стали главной теоретической и практической проблемой в психологии XX века, несколько модифицируясь в зависимости от направленности той или иной школы.

Но в сформулированные постулаты следует внести поправки. Если лингвокультурная личность служит лишь зеркалом, отображающим картину коллективной лингвокультуры, то какова роль лингвокультурной личности в формировании этой лингвокультуры? Не становится ли лингвокультурная личность в позицию стороннего наблюдателя? Или следует признать возможность своего рода двухтактной схемы: сначала лингвокультурная личность только впитывает в себя коллективный опыт, а лишь затем переходит к коллективно значимым действиям? И не превращаются ли члены коллектива в своего рода марионеток, вынужденных сначала действовать бездумно и лишь потом понимать, что они сделали (Говори, что думаешь. Думай, что говоришь).

И как может возникнуть что-нибудь принципиально новое в человеческой лингвокультуре, если приобщение к коллективной лингвокультуре каждого поколения ограничивается отображением в его сознании опыта предшественников? Упрощение про-

цесса коллективизации лингвокультурной личности фактически лишает ее надежд на превращение в самобытную лингвокультурную личность, вступая в очевидное противоречие с установками современного гуманистического мировоззрения. При таком подходе процесс приобщения лингвокультурной личности к коллективной лингвокультуре сводится к механизму духовного клонирования по некоторой фиксированной матрице.

Здесь следует сказать, что целостность лингвокультурной личности и многие особенности межиндивидуальных связей невозможно понять, не признав существования в ее структуре некоего сугубо индивидуального ядра, невыводимого из характера коллективных отношений. Именно это ядро служит той базой для формирования сложной лингвокультурной личности, в которой индивидуальное и коллективное переплетаются в диалектическом противоречии.

Несмотря на коллективную сущность человека, определенная степень противостояния лингвокультурной личности и коллективной лингвокультуры присутствует на протяжении всего онтогенетического развития, приобретая на разных его этапах различные формы выражения. Эта общая эволюционная закономерность становится на уровне вида *Homo sapiens* наиболее сложной и многообразной в соответствии со сложностью и уникальностью общечеловеческой, универсальной лингвокультуры будущего.

Особенности подобного развития могут служить убедительным подтверждением наличия такого противоречия. Один из главных принципов органической эволюции — одновременное приспособление к среде и выделение из среды — получает здесь специфическое выражение. Например, подражательное поведение, имеющее глубокие генетические корни и, несомненно, очень важное для вхождения лингвокультурной личности в коллективную лингвокультуру, сочетается со столь же явно выраженным стремлением к самостоятельности и противодействию коллективным нормам. Заинтересованность лингвокультурной личности в том, чтобы идентифицировать себя с определенной лингвокультурной группой, вступает в противодействие с его желанием сохранить личную независимость. Поэтому, например, детский эгоцентризм и негативизм, рассматриваемые обычно как нежелательные явления и своего рода издержки в системе воспитания, на самом деле играют положительную роль в процессе отстаивания лингвокультурной личностью своего права на поиск нестандартных путей для решения тех задач, которые возникают на его жизненном пути. Ведь только таким способом формируется тот творческий потенциал, который (проявляясь в разной степени и в различной форме) выступает в качестве имманентного свойства любой лингвокультурной личности.

Касаясь онтогенетических аспектов обсуждаемой проблемы, нельзя не указать на то, что соотношение индивидуального и коллективного в лингвокультурной личности очень динамично и нелинейно на протяжении всего его жизненного пути. Недаром Б. Ф. Ломов, отстаивавший положение о биосоциальном единстве человека, одновременно считал необходимым подчеркнуть гетерохронность развития основных компонентов этого единства и сформулировал очень важный принцип смены детерминант в процессе развития [3].

Организация лингвокультурной личности имеет многоуровневую иерархическую структуру с очень сложными, многозначными и динамическими связями между уровнями. Многогранность здесь выражается в том, что лингвокультурная личность является одновременно индивидом (представителем вида, имеющим определенные видовые характеристики), индивидуальностью (т. е. обладает неповторимой уникальностью), личностью, отражающей в своем сознании определенные социальные отношения и установки, субъектом, планирующим и реализующим свои действия, и носителем языка, и высших духовных ценностей.

Принимая эту достаточно всеобъемлющую схему, надо учитывать условность столь жесткой дизъюнкции, поскольку уникальность лингвокультурной личности пронизывает все перечисленные здесь грани. Более того, чем выше поднимаемся мы по иерархической лестнице организации этой личности, тем шире становится варьирование ее индивидуальных особенностей.

Говоря о духовной модернизации современной лингвокультурной личности и коррелирующих с этим изменений в канонизированной картине мира, следует указать на одну из главных угроз на этом пути, связанную с монополизацией информации и воздействиями ее на массовое сознание. Эта опасность не менее угрожающая, чем загрязнение окружающей среды, перенаселенность и т. д. Монополизацию информации и загрязнение информационного пространства можно назвать основной причиной кризиса экологии лингвокультуры. Единственным реальным заслоном против подобной угрозы, против монополизации информации и предотвращения искажения коллективной лингвокультуры представляется личностное начало в ней.

Таким образом, творчески мыслящая лингвокультурная личность — главная движущая сила социальных и духовных трансформаций в обществе. Нельзя, однако, не принимать в расчет довольно простую истину: каждая лингвокультурная личность (именно в силу своей уникальности) имеет все основания для составления своей картины мира и своей стратегии жизни.

Каким же образом в данном случае предотвращается полный социальный хаос в результате столкновения огромного множества частных целей и их воплощения в действие? Ответ очевиден: для устойчивого развития коллективной лингвокультуры разнообразие поведения, индивидуальных особенностей, стремлений, желаний лингвокультурной личности было бы подчинено некоторой общей и осознаваемой цели. Но для этого соответствующей коллективной лингвокультуре необходимы некоторые объединяющие идеи, т. е. идеология.

Таким образом, если не центральным звеном, то одним из основных звеньев, скрепляющих многочисленные лингвокультурные личности в одну национальную коллективную лингвокультуру выступает идеология, а уже затем — язык, история, культура. В этом ряду идеология выступает в качестве итога развития нации с ее языком, историей и культурой. Сами по себе язык, история и культура представляются еще недостаточными основаниями союза индивидуальной и коллективной лингвокультуры, т. е. основы существования нации. История знает немало примеров распада государств с унифицированными языком и культурой. Главная причина такого распада — идеологический крах нации.

Следовательно, важнейшую роль в онтогенезе коллективной лингвокультуры играет совокупность лингвокультурных личностей, скрепленных общей идеологией. Лингвокультурная личность, связанная с коллективной лингвокультурой, служит одним из основных катализаторов развития последней. Вне коллективной лингвокультуры полноценная лингвокультурная личность немислима, равно как немислима коллективная лингвокультура вне национальной идеологии.

Список литературы

1. Глика Дж. Теория хаоса / Дж. Глика. — М., 2011.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. — М., 1989.
3. Ломов Б.Ф. Научные основы формирования графических знаний, умений и навыков школьников / Б.Ф. Ломов. — М., 1979.

Шаклеїн В.М. **Відношення колективної лінгвокультури та лінгвокультурної особистості** // *Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації»*. – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.68-74

Стаття присвячена лінгвокультурній особистості, її ролі та місцю в колективній лінгвокультурі. Робиться висновок про те, що в онтогенезі колективної лінгвокультури найважливішу роль має сукупність лінгвокультурних особистостей.

Ключові слова: лінгвокультурологія, універсалія, лінгвокультура, лінгвокультурна особистість, колективна лінгвокультура.

Поступила в редакцію 23.04.2013 г.